

Всё было обратимо и цвело,
И солнце за пригорок опускалось, —
Как будто птица прятала крыло.
И заново наутро распускалось.
Всё было обратимо и цвело,
Меня теченье под руки брало,
Жук умирал, но тоже обратимо,
Являлся он из голубого дыма
В сияющем от света пиджаке,
При усиках и котелке.
Отец мне подарил калейдоскоп,
И я смотрел тогда в него часами.
Путём пытливых бесконечных проб
Я заключил: цветы не исчезали.
Отец мне подарил калейдоскоп,
По телевизору показывали гроб,
Процессию подушек с орденами
И Брежнева с закрытыми глазами.
Я шурил глаз — и мёртвые цветы
Вновь разворачивались из пустоты.
Мы ехали в автобусе домой,

В нём пятна света плавали, как рыбы.
Я чувствовал, что это не со мной,
Я будто сплю, хотя глаза открыты.
Мы ехали в автобусе домой,
Отец и мать стояли надо мной,
И мне как будто наяву казалось,
Что ничего на свете не осталось,
Прошло свой круг — и круга не осталось.
Что ничего на свете — Боже мой.

Зимой

В морозе плавают, как золотые рыбки,
Кусочки льда.
Они, как бусины, мелькают изо рта
И, варежкой прикрытые, летят
Куда хотят.
Над площадью выстреливает пушка,
И Бог является во всей его красе.
Как вышивает — крестится старушка.
И рыбки все, и бусины — звенят.
И воздух раскрывается, как книга.
Коньками мальчик рассекает лёд,
Летит горошиной, не видя, что вокруг
Всё стало белым. Белым стало вдруг.

Меня родители отдали
В логопедический. И вот.
Сажу на стульчике в печали,
Морскую галькой полон рот.

«Белеет парус одинокий», —
Диктует белый логопед.
«Веле ипалу овиоке», —
Я повторяю. Смысла нет.

«Веле» — и всё-таки белеет,
«Ипалу» — гнётся и скрипит.
Язык от счастья немеет
И дальше, дальше говорит.

Смеётся врач. Смеются стены.
Я засмеялся и постиг,
Что слово — необыкновенно,
И грешный высунул язык.

Однажды ангела я видел вдалеке,
Он уплывал на лодке по реке,
По Яузе. Стоял бесцветный полдень.
Осенний воздух, длинный, как туннель,
Вёл к выходу. С усталостью на морде
Хозяина выгуливал кобель.

Детали, вытесняющие суть.
Боялся я на ангела взглянуть,
Но странное молочное сиянье
Вокруг ужатой в плечи головы
Вело, как сон. И слышал я дыханье
Листвы опавшей и живой травы,
И голос пса, ворчащего на свет.
И понимал, что чуда в этом нет.

Избавь меня от чуда, помоги.
Я доношу чужие сапоги,
Я съем чужой обед, и у чужого
Возьму займы, и всё потрачу снова,

И снова выйду на осенний свет.
И я на нём. И чуда в этом нет.

Осенний день, и день осины тёмной,
Синицы время, время воробья
Искать в земле потерянные зёрна,
Топорща перья, время торопя.

Часы отстали тихо, безнадежно,
И мёртвые минуты налегке
Как спички, уплывают по безбрежной,
По незнакомой медленной реке.

Свет глаз твоих, твои худые руки,
Отчаянье последней красоты,
До немоты, до счастья и до муки,
Иных времён озимые сады.

Лес кончился. Мы вышли на пустырь.
На нём серела башня новостройки.
Гнилые трубы, редкие кусты.
Канавы расцветающей помойки
В буквальном смысле радовала глаз
Беспечно-жёлтыми пустырными цветками.
Патлатый пёс поглядывал на нас,
Устроившись, как царь, в облезлой ванне.

Всё было будто бы построено само
И на гнилых гвоздях пускай держалось —
Оно души так явственно касалось,
Что сердце откликалось: «Вот оно».
Всего лишь надо было лес пройти,
Всего лишь тридцать лет прожить — и лето
Господне оказалось на пути,
В цветочках легкомысленного цвета.